Алексей Щербаков

СКОМОРОХ

М А К

```
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыы                    ыыы
ыыыыыыыыыыыыыыы        ыыы
ыыыыыыыыыыыыыыыы       ыыы
ыыы           ыыы      ыыы
ыыы            ыыы     ыыы
ыыы            ыыы     ыыы
ыыы           ыыы      ыыы
ыыыыыыыыыыыыыыыыы      ыыы
ыыыыыыыыыыыыыыыы       ыыы
```

КОНТР — КУЛЬТУРА

АЛЕКСЕЙ ЩЕРБАКОВ

СКОМОРОХ.

С ним было трудно разговаривать - собенно тем, кто привык топить суть в легком светском трепе, ничего не касаясь и никого не задевая, тем, кто осторожно бредет по беседе, зорко просчитывая последствия каждого откровенного слова - не было в Дике приятной веселости богемно-кофейного болтуна - он целился в собеседника лениво-пронзительными глазами - и неожиданно бросал не относящиеся к теме фразы-коротышки, ехидные до белого каления - и вдруг твоя спрятанная в кармане фига становилась видна всем - оставалось только краснеть и мучительно беситься, наблюдая дикову ехидненькую ухмылку...

- Ну его... Тоже - Боб Дилан, - бурчали старые друзья - те с кем он когда-то, еще до отсидки, месил дорожный асфальт от Бреста до Улан-Удэ...

Дик их раздражал. В его присутствии казались смешными их маленькие восторги и личные счеты, недоговоренные мысли, недовыясненные отношения, незаплаченные долги, условности отношений "кукушка-петух" - то, что вот уж много лет заменяло им жизнь - в присутствии Дика все обваливалось, обнажая ненужность их полусуществования, лишая их иллюзии своей "избранности" и элитарности - ибо в диковых глазах светило то снисходительное превосходство, которое дается только богоотступникам-философам и великим поэтам - тем кто видел и преисподню, и райские кущи - а потому уже ничего не боится... И при всем этом - он не говорил ничего прямо обидного - просто горланил под гитару только что сочиненные частушки - о другом, но все равно бесившие...

Да, общаться с Диком было нелегко. Он постоянно курил анашу - судорожно тянул в закутках сладкий дымок, отбросив "пяточку", хватл гитару - и тонул в пучине нередившихся пока мелодий... песни вылуплялись из травяного дыма - чтоб потом без малешего усилия автора расползаться по стране - мне звонили по ночам, требуя и умоляя скопировать забытую Диком у меня дома кассету, записанную тут же - на домашнем "Юпитере". Приезжали из других городов, вваливались в мою пробеломоренную квартиру, давно ставшую поэтическим притоном - и не успев поздороваться, требовали поставить... А Дику не сиделось на месте - он околочивался с поднятой рукой по кромкам шоссе, брел по затерянным деревушкам обезлюдевшей России... Он рвался в новое - новые встречи, новые края, искал людей с такими же беспокойно-неистовыми глазами - и околачивался по раскольничьим скитам и рок-клубовским тусовкам... Дик был как из сказки - не из ласковой "Спокойной ночи...", а народной лихой да горькой легенды об удалом бродяге... Его срок - семидесятая статья - шизофрения в билет - висел как медаль, на хипповской одежке - настолько Дик не был похож на горластую диссидентсую братию. То ли Иван-царевич, то ли Иванушка-дурачок... Беспокойные пальцы сновали по гитаре - а он вновь маячил на асфальтовом горбе,

поджидая очередной попутный грузовик...

С ним заговаривали все привокзальные алкоголикии и разные сомнительные мужички вечерних улиц. Он не кочевряжился, возвышаясь посреди замусоленной пивной, вступая в дискуссию с самой затрапезной горелой голью - и вот уж, примостившись на таре, наяривал свои темы - его понимали - те самые песни, что являлись неразрешимой загадкой для любознательноглазых студентиков и прогрессивных модлодых интиллегентов.

Он был загадкой - длинный худой парень с лениво-пронзительными глазами - не хиппи, не профессиональный наркоман, не бич... Так - всего понемножку... Бродяга - может, последний на Руси, веселый странник, последний из помнящих нечто, устремляющее глаза одновременно - внутрь себя, в окружающий мир, и - вдаль, за горизонт. Что он скажет, что сделает, куда метнется в следующий момент - никто не мог сказать - а он - тем более.

- Я живу как живу. И все. Если чего-то нельзя - разве стоит жить? Если что-то удерживает - тем более внутри тебя...

Он не мог молчать и недогваривать - за что и получил три года в восемьдесять четвертом - так и не понял, что значит - "об этом нельзя".

- Смотри - увидишь, - говорил Дик, сидя под романтической сосной возле деревушки, запертой в длинных тверских болотах, в которую мы попали после пяти дней скитаний по захолустьям - по сосновым дорогам, песчаным речным обрывам, зарастающим полям и случайным ночлегам - где дороги вели в никуда - или в вымершие деревни. Где слова звучали гулко и многозначео, где редкие машины обязательно останавливались, а люди пускали ночевать. Посли пяти дней скитания по горькой, но любимой сказке.

- Эй, ребята, что тут сидите? - седой страик с иконописными глазами стоял, опираясь на косу, оглядывая нас, словно в кои-о веки приехавших внуков.

- Да так, мужик. С дороги устали.

- Да что без толку лежать! Пошли лучше ко мне, поедим чего-нибудь.

Мы пошли, минуя разваливающиеся мышиные дома, укоризненно пялящиеся в небо крышными прорехами - трупы, среди которых тосковала пара-тройка живых. Возле одного из домов, еще улыбающегося занавесками, стоял цыган - кажущуюся мрачность лица перечеркивали белые зубы.

- О-о, друг, дай-ка на твоей гитаре попробовать!

Взяв инструмент, цыган как бы почернел. Улыбка улетела с лица, глаза полыхнули, словно два факела на сквозняке. Он пробежался по струнам туда-сюда - и вдруг вытолкнул сумрачно-яростную мелодию, рожденную, наверное, в весеннее полнолуние в глухом еловои лесу, на краю черного, отсвечивающего гибельным серебром болота.

— Дает... — Дик, казалосъ, распластался по смоляным
нотам.
А цыган играл и играл, выстраивая черные миражи
гармоний, приглашал в мир поросших мхом камней-валунов,
прчячущихся среди высыхающих трясин...
— Так вот, — цыган возвратил гитару.
— Ну, что, мужик, пошли? — обратился Дик к старику.
— Уйди от меня, видетъ тебя не хочу! Ты что, не видел
кому гитару дал? Черному человеку! И сам ты — черный! А я-то
думал... — старик, сплюнув зашагал вдалъ.
— Что это он?
— Смотри — увидишъ. Два разных полюса — белый и черный.
Умей разглядетъ оба, бери от обоих — но помни — они
смешиваясъ, дают самый гнусный цвет — серый. Цвет покоя.
Цвет смерти. Нам — метатъся между черным и белым — самим не
понимая где что. Нам — вечно идти в вечно неизвестную
страну...

Дик спешил — петъ и житъ, написатъ все что хотелосъ —
все обилънее вился за ним анашистый дымок, все болъше
становиласъ на руках предателъских колотых дырочек...
Его песни околдовывли. Они врезалисъ в мозги вертелисъ
в нем сутками напролет. Казалосъ — сам Сатана кружит вокруг
тебя, уговаривая бростъ все — и рвануть наугад, навзрыд — по
дорогам России... Стихи Дик читал плавно, огранивая каждое
слово нужной интонацией, заглядыввая на дно твоей души
насмешливо-ленивыми глазами. Он — смеялся, вечно смеялся,
ловил твою еще не оформившуюся мыслъ — и облекал ее в
гитарную импровизацию.
— Смотри — увидишъ...
Дороги. Дороги. Дороги.
И кто знает — были ли на этих дорогах избушки на куръих
ножках, русалки и колдуны — потому что косматый шаман в
прибайкалъских горах долго говорил о чем-то мне непонятном с
Диком.
Дик пел в колонии для несовершеннолетних — и
оывался — в институтах.
— А на черта мне — перед студентами выкладыватъся?
Они-то дорогу свою уже избрали и асфалътом покрыли. Они ведъ
не пойдут — ни пешком по деревням, ни на баррикады... Их
дело — диамат сдаватъ — а то стипедию не дадут...
С людъми он общался — с кем три минуты, с кем —
полчаса. И — уходил. Или доставал из кармана "косяк" — и
тонул в нирванне...

— Слушай, надо что-то делатъ! — кричала мне в истерике
Ленка — девчонка, для которой Дик стал смыслом жизни — Леха,
он ведъ теперъ толъко по городу мечется в поисках
кристаллического иода — чтоб снова врезатъся...

Дик уже давно колол "винт" - страшное зелье, открывающее вторую Вселенную... Песни его становились все более колдовскими, все сильнее швыряли от черного к белому - от небес к преисподне. Качели набиради ход - и уже невозможно было различить предметы и лица - лишь ослепительно яркую радугу цветовых пятен. Все труднее останавливаться, отдыхать, смеяться, говорить... Туда-сюда мотались гитарные мелодии - и бегал по городу, разыскивая Дика, какой-то ополоумевший рок-клубовский продюсер, уже, видать, вообразивший себя Брайаном Эпштейном... А он пел по случайным знакомым, затягиваясь анашой - и плевать ему было на позолоченно сверкающие перспективы- "зачем?"

А на душу Дика напозало безумие... Он слышал голоса по ночам, звавшие его на тот свет - и угодил в психдом при попытке бросится под трамвай. Настал день когда гитара замолчала - радуга слилась в ночь - а наркотик требовал, требовал, требовал. А голоса звали и звали...

- Что - за все надо платить.- сказал он как-то в минуту просветления, вытирая собственную кровь с пола - Я жил как хотел. Всегда. А разве это мало?

- Я видела недавно Дика,- печально опускапла глаза добрая хиппи Маринка - знаешь, это уже не человек...

Дика фактически не было - судорожно крчащееся на игле существо - это уже не он. Даже если бы он сподобился выжить - а с "винта" спрыгивают только - в могилу - это был бы другой человек. Совершенно другой... И осталась - кассета в синей картонной коробке. Кассета, которую наперебой переписывали с магнитофона на магнитофон, выучивали наизусть, песни скоторой бормотали, уходя в собственный бешеный путь. Осталась кассета - цена жизни.

```
ы      ы
ы      ы
ыыыыы  ы
ы    ы ы
ыыыыы  ы
```

ГОСПОДА!

Желающие прочитать другие произведения этого автора и его друзей из группы "Контркультура" (Д.(Сторож) Колосов, Егор Горев, Б.Жихаревич, А.Розенвайн(Дринч)) – а также помочъ им в размножении, распространении или матариально – обращайтесъ:

Санкт-Петербург: 197343,пр.Симрнова д.71 кв.8 Щербаков Алексей. тел.246-82-89

Москва: 121352, Славянский бульвар д.1 кв. 116 Старилова Людмила. тел 445-23-08

Киев: 252162, бульв. Р.Роллана, д.5-В кв.67 Розенвайн Антон. тел. 475-13-58

ПОДДЕРЖИВАЙТЕ МОРАЛНО И МАТЕРИАЛЬНО МОЛОДЫХ АВАНГАРДИСТОВ!

```
ы      ы
ы      ы
ыыыыы  ы
ы    ы ы
ыыыыы  ы
```